

Образ СССР в Италии конца 40-х годов XX века

Зонова Т. В.

Образ СССР в глазах итальянцев на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее окончания носил противоречивый характер. Подобное положение, видимо, можно объяснить следующими факторами. Широко распространенное эмоционально положительное восприятие советской политики подкрепляла все более очевидная роль Советского Союза в разгроме национал-социализма и фашизма. Росту симпатий к России во многом способствовала и возросшая роль левых сил, прежде всего, коммунистов и социалистов, с оружием в руках борющихся против фашизма.

В Италии особое значение имел так называемый «поворот Салерно». Речь идет о возвращении главы итальянских коммунистов П. Тольятти из Москвы в Италию в апреле 1944 года. Разработанная Тольятти, с подачи Сталина, новая тактика коммунистов предполагала отказ от революционного захвата власти, непереносимого свержения монархии и установление конструктивного сотрудничества с католическим движением (политика «протянутой руки»). И, как следствие, это означало преодоление противостояния между монархией, главой правительства маршалом Бадольо и антифашистскими партиями, входившими в комитеты национального освобождения (КНО). «Салернский поворот» открыл путь к созданию многопартийных правительств, отражавших расстановку политических сил после отставки и ареста Муссолини и подписания перемирия в сентябре 1943 года.

Более тесные отношения с СССР становились неким козырем в «реалполитик» новых правительств в стране, скомпрометировавшей себя массовой поддержкой фашистского режима. Постфашистские правительственные коалиции получили, таким образом, поле для маневра. Они обеспечивали себе возможность сохранения хотя бы некоторой самостоятельности в условиях англо-американской оккупации¹. Сближение с Советским Союзом давало надежду на достижение больших уступок со стороны Черчилля и Рузвельта и на смягчение жестких условий перемирия.

За развитие отношений с СССР активно выступали и деловые круги Италии. Их привлекала главным образом возможность возобновления закупок в России дешевого сырья: твердого и жидкого топлива, лесоматериалов, зерновых. Создавались предпосылки

и для развития культурных связей. К концу 1944 г. в Риме по инициативе группы интеллектуалов было создано Общество культурных связей между Италией и СССР. Заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов ратовал за восстановление в Риме торгпредства, которое, как предполагалось, на начальном этапе будет продвигать на итальянский рынок кинофильмы и книги.

Итальянский посланник в Москве Пьетро Кварони составлял список советских книг для перевода на итальянский язык. Генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел Ренато Прунас² в своих беседах с советскими представителями неоднократно возвращался к вопросу о подписании двустороннего культурного соглашения, обмене студентами, делегациями и т.д.³

Все более тесные отношения коммунистической и социалистической партий с Москвой неоднократно находили видимое подтверждение. Так, еще в 1944 г. левые доказали свою способность организовать более сотни собраний и митингов, с энтузиазмом приветствовавших советскую профсоюзную делегацию.

Ватикан, по традиции резко критиковавший атеистические установки советского режима, тем не менее, в том же 1944 г. предпринял попытки установить с Москвой дипломатические отношения⁴. Особое место в исследуемый период занимает процесс дипломатического признания Италии советским правительством. В марте 1944 г. Советский Союз выступил в роли первого государства Антигитлеровской коалиции, которое установило отношения с послефашистской Италией. Это событие вызвало чрезвычайно положительный отклик в итальянском общественном мнении. Правда, на первых порах в условиях оккупации Италии союзными войсками эти отношения получили название не дипломатических, а «непосредственных». Стороны обменялись посланниками, при этом вручение верительных грамот не предусматривалось.

В дипломатической переписке того времени итальянские дипломаты приписывали инициативу признания Советскому Союзу, советские — Италии. Обе стороны прекрасно отдавали себе отчет в том, что реакция англо-американцев на такой шаг вряд ли будет положительной. Действительно, посол США в

Зонова Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор Кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России; e-mail: vestnik@mgimo.ru

Советском Союзе А. Гарриман весьма резко реагировал на сообщения о предстоящем признании СССР Италии и призывал Вашингтон дать понять Сталину, что подобная акция нанесет ущерб союзническим отношениям⁵.

Генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел Ренато Прунас утверждал, что с просьбой об установлении отношений к нему обратился А. Я. Вышинский. Последний был тогда представителем СССР в Консультативном совете по вопросам Италии. Но советский посол А. Е. Богомолов в своих донесениях ссылался на настойчивые обращения именно итальянской стороны о немедленном установлении отношений⁷.

Архивы подтверждают, что именно итальянцы проявили инициативу в установлении отношений, умело лавируя между членами антигитлеровской коалиции. Первая встреча Прунаса и Вышинского состоялась 8 января 1944 г. Причем Прунас передал Вышинскому заранее подготовленное итальянским правительством официальное обращение для передачи в Москву. В документе говорилось, что итальянское правительство, с пониманием относится к огромным военным заслугам русского народа и исходит из того, что Россия является сейчас и будет являться в будущем решающим фактором мировой политики. Оно изъявляет готовность с позиций реализма установить контакт непосредственного взаимного общения. В служебной записке Прунаса, подготовленной для главы кабинета Бадольо указывалось на чинимые ранее этому шагу «некоторые препятствия со стороны англо-американцев»⁸.

Накануне опубликования сообщения об установлении отношений между Италией и СССР Прунас весьма настороженно ожидал реакции англо-американцев. В ходе одного из дипломатических обедов он открыто сокрушался по поводу того, что советская сторона, несмотря на его настойчивую просьбу, отказалась в тексте документа взять на себя ответственность за эту инициативу⁹.

Действительно, в появившемся на следующий день информационном сообщении «Правды» было заявлено, что 7 марта правительство маршала Бадольо обратилось к Советскому правительству с просьбой об установлении непосредственных отношений между Советским и Итальянским правительствами. В сообщении также содержалось согласие Советского правительства на установление непосредственных отношений между обоими правительствами и на обмен представителями¹⁰. Бадольо горячо благодарил СССР за помощь в деле обретения Италией автономии и суверенитета¹¹. В октябре 1944 г. дипломатическое признание последовало и со стороны Англии и США. Вслед за этим отношения между СССР и Италией были подняты до уровня полных дипломатических отношений.

Между тем, опасения Прунаса насчет негативной реакции на установление отношений с СССР со

стороны Мейсона-Макфарлейна, начальника военной администрации союзников и главного комиссара Союзной контрольной комиссии в Италии, подтвердились. От имени Верховного главнокомандующего союзными силами британский генерал заявил: «Итальянское правительство не имеет права вступать в какие-либо соглашения с каким бы то ни было иностранным государством, как союзным, так и нейтральным, без согласия на то Верховного главнокомандующего союзными силами... Командующий оккупационными войсками имеет право, исходя из соображений безопасности, контролировать отношения итальянского правительства со всеми другими странами»¹².

В ответном послании маршал Бадольо назвал эти обвинения свидетельством «дальнейшего ужесточения условий перемирия, или, в лучшем случае, все более рестриктивной и нелиберальной интерпретацией его статей». Ни одно правительство, продолжал Бадольо, не может в течение долгого времени терпеть подобные расширяющиеся, унижительные, а главное, бесплодные ограничения»¹³.

Реакция некоторых итальянских политиков на действия правительства была также весьма критичной и, прежде всего, отражала противоречия, существовавшие между Комитетами национального освобождения и правительством Бадольо. Высказывалось опасение, что дипломатическое признание Италии со стороны СССР приведет к стабилизации власти маршала Бадольо в ущерб авторитету КНО. Тольятти вынужден был разъяснять, что действия СССР, напротив, лишь укрепят позиции левых сил.

Конечно, действия итальянского правительства были нацелены в первую очередь на выход из сложной ситуации, в которой оказалась страна после заключения перемирия. Бадольо и король Виктор Эммануил не сумели добиться облегчения условий перемирия. Союзники печатали деньги и обменивали их на итальянскую валюту безо всяких ограничений и комиссионных сборов. Они контролировали все связи правительства Бадольо с итальянскими представительствами за рубежом. Им был обеспечен доступ к любой информации, касающейся частной и государственной собственности в Италии. Итальянский исследователь С. Романо считает, что даже по сравнению с британскими колониями и протекторатами в Азии и на Ближнем Востоке итальянское государство пользовалось меньшей властью¹⁴.

Как уже отмечалось, деловые круги Италии были крайне заинтересованы в развитии отношений с СССР. Итальянцы предложили направить в Москву нескольких торговых представителей. Прунас, продолжая свою политику лавирования, подчеркивал, что установление торговых отношений между СССР и Италией лишит англичан и американцев монополии на итальянском рынке. Он советовал также пригласить в СССР итальянских инженеров и рабочих для восстановления промышленности. Через советского посла в Риме он сообщал Москве, что

США стараются завладеть правом поставки нефтепродуктов, принадлежавшим итальянской компании «Аджи», и намекал, что Италия надеется на помощь СССР в сохранении независимости. «Возрождение Европы, — говорил Прунас, — должно произойти с Востока, его принесет новая могучая сила — Советский Союз». Оговариваясь, что это только его личные и конфиденциальные высказывания, генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел уверял, что Италия никогда не будет занимать позицию против Советского Союза и его интересов¹⁵.

Надеясь на то, что СССР окажет давление на союзников с целью смягчить условия перемирия 1943 г., Прунас упорно пытался убедить советских представителей, что «Италия всегда отдает предпочтение СССР перед Америкой и Англией, потому что русские более культурны и благоразумны и их поведение в странах, бывших союзниках Гитлера, резко контрастирует с поведением англичан и американцев в Италии»¹⁶.

Российский исследователь И. Хормач справедливо считает, что советский посол в Италии М. А. Костылев в своих донесениях в Москву явно занижал уровень влияния США и Англии на политику Италии. Он был излишне эмоционален и слишком оптимистично смотрел на возможность усиления позиций СССР в Италии¹⁷. Не вызывает сомнений, что «реальная политика» Сталина, бесспорно, исходила из факта очевидного деления будущего послевоенного мира на сферы влияния. В первую очередь, Советский Союз был заинтересован в утверждении своих позиций в Восточной Европе, а, следовательно, и не собирался препятствовать праву союзников диктовать условия Италии, в свою очередь, рассчитывая, что и союзники не будут против аналогичного поведения советского командования в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Мы можем предположить, однако, что оптимистичные настроения посла в известной степени объяснялись перспективой (казавшейся тогда реальной) упрочения позиций левых сил в правящем лагере, а также появившейся в итальянских правящих кругах идеей нейтралитетского выбора будущей внешней политики Италии. С этой идеей выступал Пьетро Ненни, национальный секретарь социалистической партии и министр иностранных дел в правительстве Де Гаспери (октябрь 1946 - февраль 1947), а также видный деятель Сопротивления, министр ряда послефашистских правительств и будущий посол Италии в Москве (1947–1951) Манлио Брозио и ряд других политиков. 13 марта 1946 г. посол Кварони вручил Деканозову ноту о намерении Италии не примыкать к политике блоков. В пользу будущего итальянского нейтралитета высказывались и некоторые круги в левом социал-демократическом движении, левом крыле христианско-демократической партии и ряд деятелей в Ватикане¹⁸.

В то же время ряд обстоятельств способствовал нарастанию недовольства советской политикой со стороны итальянского общественного мнения. Речь шла о поддержке СССР военных действий маршала

Тито, оспаривавшего суверенитет Италии над Триестом и примыкавшими к нему зонами. Самая настоящая враждебная кампания против СССР началась в августе 1945 г., когда на Потсдамской конференции советская делегация поставила вопрос о приравнивании мирного договора с Италией к договорам с союзниками Германии — Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. СССР также настоятельно потребовал выплаты Италией репараций, намеревался установить опеку над бывшей итальянской колонией Триполитанией и получил в счет репараций часть итальянского флота. Предметом разногласий между Италией и Советским Союзом стал также вопрос о репатриации итальянских военнопленных. Численность военнопленных, указываемая итальянцами, оспаривалась советской стороной.

Весной 1946 г. нагнетанию недоброжелательного отношения к советской политике послужила речь Черчилля в Фултоне. С целью противодействовать этим настроениям в марте в Италии массовым тиражом более миллиона экземпляров было распространено интервью Сталина, в котором он расценивал фултоновскую речь Черчилля (поддержанную, по словам Тольятти, политическими кругами Италии) как призыв к войне против СССР. Газета «Унита», орган ИКП, напечатала еще миллион экземпляров этого интервью. Видимо, развернутая левыми пропагандистская кампания против отказа от сотрудничества с СССР доказала свою успешность на последовавших в ноябре 1946 г. муниципальных выборах. Советский посол Костылев сообщал из Рима: «Муниципальные выборы в ноябре 1946 года показали полевение масс... Коммунисты вышли на первое место (в Турине вместе с социалистами они получили 60% голосов, в Генуе — 64%, в Ливорно — 76%, во Флоренции — 55%, в Специи — 72%)»¹⁹.

Противостоящий левым лагерем опасался «советизации» Италии. По их мнению, коммунисты и социалисты могли использовать накопленное в ходе партизанской борьбы оружие и советскую поддержку для взятия власти²⁰. Таким настроениям способствовали и носители радикальных взглядов в левом лагере. Тольятти обвиняли в предательстве за отказ от пути революционного завоевания власти и требовали сохранения левых вооруженных формирований для дальнейшей борьбы за установление социалистического строя.

И тем не менее, становление дипломатических, экономических и культурных связей России с Италией заложили прочную основу для будущего сотрудничества. Впоследствии видный итальянский государственный деятель Дж. Андреотти подтвердил значимость этого события: «В тяжелое время для моей родины — после перемирия 1943 года и во время трагического раскола Италии, — быстрое установление дипломатических отношений с Советским Союзом явилось первым шагом, который правительство, рожденное в результате падения фашизма, предпринимало среди почти общего непонимания с целью вновь вывести нашу страну на международную арену»²¹.

Примечания

1. Об этом убедительно свидетельствуют архивы документов внешней политики России, исследованные И.А. Хормач в книге «СССР- Италия и блоковое противостояние в Европе». М.: Институт российской истории РАН, 2005. тт. I, II.
 2. После заключения правительством Бадольо перемирия в сентябре 1943 г. министр иностранных дел Раффаэлло Гуарилья по неизвестным причинам так и не выехал вместе со всем кабинетом из Рима в Бриндизи. Поэтому ведение внешних дел было в должности генерального секретаря поручено посланнику Ренату Прунасу, срочно отозванному из Португалии/
 3. Советская сторона, однако, не была расположена расширять каналы этих отношений, видимо, опасаясь проникновения «буржуазной идеологии» и предпочитая ситуацию некоторого культурного изоляционизма.
 4. Эти попытки не увенчались успехом. Как известно, Сталин в ходе войны отказался от антицерковной политики, а между Русской православной церковью и Ватиканом существовали серьезные разногласия
 5. Stephan W.Twing. *Miths, Models, and U.S. Foreign Policy: The Cultural Shaping of Three Cold Warriors*. London: Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 108.
 6. Mercuri L. *La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita*; *Tribuna biologica e medica*. Anno 10 -Vol.10. n/3-4. p. 80,
 7. Хормач И. *Op.cit.* с.23.
 8. Mercuri L. *La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita*; *Tribuna biologica e medica*, Vol.10. n/3-4. p. 80,
 9. R.Gaja. *La svolta di Salerno: una notte a Minori*//E.Serra (a cura di). *Professione diplomatico*. Milano 1988.
 10. "Правда" 14 марта 1944 г.
 11. *Documenti diplomatici italiani*. Ser. X. Vol. I.P. 249.
 12. Mercuri L. *Op.cit.* p. 80.
 13. *Ibid.*
 14. S.Romano. *Prunas, doppio gioco per salvare l'Italia*//*Corriere della Sera*, 30 giugno 2005, p. 33.
 15. Хормач. *Op.cit.* С. 61.
 16. АВП РФ. Ф.089.ОП.26.Д.11Л.63-64. Хормач. *Op.cit.* С. 56
 17. Хормач . *Op,cit.* с. 54.
 18. Mercuri L. *La diplomazia italiana dopo il 1945 tra rottura e continuita*; *Tribuna biologica e medica*, Vol.10. n/3-4. p. 80. См. М. Brosio. *Diari di Mosca — 1947/1951*. Bologna: Il Mulino, 1986. P.Nenni. *La neutralita' e' un problema di oggi*/"Avanti!", 26 ottobre 1947.
 19. Цит.по: В.П. Любин. Роль Де Гаспери в повороте Италии на Запад в оценке советской дипломатии. http://alestep.narod.ru/lubin/de_gasp_ljubin.htm#
 20. См.*Per invigilare me stesso : i taccuini di lavoro di Benedetto Croce / Gennaro Sasso*. — Bologna : Il Mulino, 1989.
 21. СССР — ИТАЛИЯ. Страницы истории. 1917–1984. Документы и материалы. М.: Политиздат. 1985. Документ №96.
-